
С. Д. СЫРТЫПОВА

**СТРУКТУРООБРАЗУЮЩИЕ ЭЛЕМЕНТЫ
ПРИРОДНО-КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА
ТРАНСБАЙКАЛЬЯ
(или святыни кочевников монгольского мира)**

Создавая альтернативные модели будущего, нам рассказывают о сверкающих блюдах и одеяниях, но забывают при этом напоминать о потертых сверкающих реках и озерах...

Х. Хендерсон

...Нет ничего удивительного в том, что новые вопросы, вливающие в науку свежие силы, часто исходят из традиций вопрошания, коренящихся в совсем иных культурах.

А тот факт, что сегодня самые разные культурные образования принимают участие в развитии научной культуры, является для нас источником новых надежд.

И. Пригожин

Святые места, или антропогеографические культовые объекты Трансбайкалья

Тот, кто хоть однажды посетил Трансбайкалье, не мог не заметить великое множество святых мест, которые каждый путник по традиции обязан отметить символическим подношением-жертвой в виде монетки, зерен, цветной ленточки на дерево, капель напитка, слов молитвы или даже просто короткой остановкой в пути. Как правило, в таком месте есть груда камней с шестом или ветками, воткнутыми в центр, деревья пестреют разноцветными *хадаками*

(ритуальными шарфами, подносимыми в знак уважения, почтения), *зурамами* (ленточками – подношениями духам деревьев). В последние годы стали устанавливать столы или беседки с навесами, деревянные ритуальные коновязи – *сэргэ*, небольшие алтари, а иногда и ступы (субурганы). Это очень древняя и стойкая традиция – помечать определенные места специальными маркерами, а также обычай ритуального поведения на этих территориях, несоблюдение которого, как считается, может привести к трагическим для нарушителя последствиям.

Ритуал и экологическая культура населения

Религиозные культы в жизни монгольского общества выполняли и продолжают выполнять на протяжении многих столетий консолидирующую, регулятивно-правовую, структурирующую, воспитательную роли этноса. Законотворческий характер религиозных культов подтверждается, в частности, необыкновенной жизнестойкостью последних и общим признанием и сохранностью их у автохтонного населения до сегодняшних дней. Однако официальные государственно-правовые нормы долгое время вынуждали традиционные культы и традиционную систему ценностей существовать в латентной, фоновой форме.

Специфика кочевой культуры состоит в непосредственной и быстро обратимой ее связи с окружающей средой, природой. Жизнь кочевника проходила в унисон с явлениями природы, была подчинена природному ритму, с тем чтобы не наносить окружающей среде трудновосстановимых уронов, не повреждать естественную флору и фауну. Хозяйственная деятельность кочевников мало изменяла природу и практически не оставляла следов, будучи совершенно подчиненной естественному круговороту вещей в природе. Однажды в очередной экспедиции, это было в Тункинской долине, на одном из целебных источников этого сурового, но благодатного края мне встретилась женщина, которая поразила меня глубиной, исконно народной мудростью, той, что невозможно вычитать из умных книг, но можно впитать в себя, унаследовав многовековой опыт нелегкой жизни кочевника.

Все, в общем, было вполне банально: обычное утро маленького селения полукочевников недавнего прошлого в глухой сибирской провинции, живущего своей размеренной жизнью десять месяцев в году. Но с наступлением короткого долгожданного лета бархатно-зеленая долина заполняется толпами страждущих туристов, как пеших, добравшихся сюда на перекладных, так и снабженных всеми видами современного дорогого транспорта. И тогда на скучном пустыре словно из-под земли вырастают ларьки со всевозможным товаром: ароматно дымятся буузы – любимое национальное блюдо бурят, рядом потрескивают узбекские казаны с горячим золотистым пловом, азербайджанские мангалы шипят и потрескивают шашлыком в бело-луковых кольцах. Местные тетушки приносят молоко, творог и сметану, настоящую, деревенскую, тягучую, как мед, дожелта пронизанную солнцем. В беседках – временных прилавках – громоздятся душистые шаньги¹, смачные, здоровенные, как добрые оплеухи, сочни, румяные калачи и пирожки. Толпы желающих избавиться от ломоты в суставах или просто «оттянуться» на лоне живописной природы, невзирая на отсутствие элементарных удобств, выстраиваются в очередь под гейзерные воды душа, на горячие ванны и грязи. Берег маленького озерца окрашивается пестрыми купальниками и шапочками. Полупустые домики и сарайчики местных жителей заполняются постояльцами.

Тетя Катя, так звали мою собеседницу, – пенсионерка, занимается сезонным бизнесом, которым занято все ее семейство: сдают жилье и кормят туристов домашними буузами. Крепкий просторный сруб дома, новый флигель, чистота и порядок в ограде, пышно цветущий огород свидетельствуют о том, что хозяева здесь не из ленивых. В поисках хозяйки – нужно было расплатиться за ночлег – я заглянула в большой бревенчатый амбар, который, как оказалось, тоже был оборудован под жилье: стены и полы внутри устланы огромными персидскими коврами, вдоль стен – кровати, посредине – большой, круглый стол, древняя радиолка на комодике. Тетя Катя перестилала постели. Уже уходя, я обратила внимание на яркое, необычное покрывало, подвешенное на гвозди в дверях амбара. Тяжелый гобелен полностью закрывал дверной проем, и края его

---

¹ Шаньга – бурятская лепешка, тесто которой обычно замешивается на твороге.

грузно свешивались по бокам. Гобелен оказался вышивкой из мулине, явно прослужил уже много лет, не потеряв, однако, цвета и целостности нитей. Рисунок гобелена представлял собой композицию на фоне пейзажа: горная гряда Тункинских Гольцов с заснеженными вершинами. У подножия гор на берегу небольшого озера – домик, а на опушке леса – грациозный сохатый с гордо вскинутой ветвистой головой. Обрамлением картины служил яркий цветочный узор. Хозяйка, заметив, что я с любопытством разглядываю занавес, пояснила:

– Это от мух, старое покрывало...

– Вы сами вышивали? Какая красота!

– Это работа нашей покойной мамы, она была известной мастерицей: шила, вышивала, катала войлочные ковры, потники. Очень красивые вещи получались. Раньше ее работу почти в каждом доме здесь можно было найти. А этому покрывалу больше 50 лет, сначала оно висело на стене, как ковер, потом им кровать заправляли, на диване долго лежало. Мы все, нас было у нее пятеро, да все дети наши – моих только четверо, потом все внуки прыгали на нем. Ничего ему не делается, основа только бязевая или холщовая была, износилась, я ее сняла, а вышивка все та же, и без основы держится, не рвется. Теперь вот от мух спасает.

– Ваша мама была, видно, художником.

– Да какое там! Как все здесь – пасла скот, занималась домашним хозяйством, в колхозе работала, нас ростила. А вышивала и катала ковры, когда свободная минутка выдастся. Как сейчас помню, рисовала сама на белой ткани химическим карандашом, время от времени поплеывая на карандаш, чтоб рисунок лучше было видно. Здесь изображен наш старый дом, зимняя стоянка. Озера этого сейчас нет, и дома уже нет, только вот это дерево еще стоит там; но мое детство прошло здесь, в этой местности, все было так, как нарисовано на ковре. Таких мастериц сейчас нет, из нас, детей, никто не унаследовал ее золотых рук.

– Вам не жалко вот так использовать ковер? Ведь эта вышивка – историческая и художественная ценность! Почему вы не приберете ее в сундук, чтобы сохранить как память и показывать потомкам. Так на гвозде ведь порвется, а такая красивая вещь...

– В сундуке лежать что толку – моль съест, потом как тряпку будут использовать... Пусть служит, пока я жива и помню все это, и мне это дорого. Отслужит свое и уйдет. Я не хочу, чтобы после моей смерти это стало старым хламом у всех под ногами.

Так тетя Катя в простых словах преподнесла мне опыт и мудрость многих и многих поколений. Суровый рационализм кочевника: разрушение старого неизбежно и естественно. Износ и разрушение, возвращение вещи в исходное состояние материала, а материала – к первоэлементам – это как правило гигиены бытия в глобальном смысле, очищение пространства для создания и рождения нового. Такое восприятие – это свидетельство отсутствия *культы эго* в самом жизненном устое традиционной культуры. Этот урок кочевнической мудрости мне приходилось не однажды усваивать на просторах монгольских степей и бурятских лесов.

Но необходимость передачи знания, особо важной информации будущим поколениям, несомненно, существует всегда. Для этого, для памятования какого-то исторического события или организующей идеи, создавались памятники. Памятники у кочевников имеют свои особенности и отличаются от памятника городского типа. Главная их особенность – **экологичность**. Они экологичны, так как экономны в ресурсозатратах: в сооружениях используется природный материал, который при разрушении органично растворяется в окружающей среде. Для работ требуются небольшие трудовые затраты, посильные самому малому количеству человек. Кочевнический памятник, как правило, практически не требует капитального ремонта, для его восстановления, поддержания в должном порядке достаточно вполне скромных усилий и затрат. Несомненно, что сооружения типа монгольского *обоо* (аналогично – тибетского *лабцэ*) являются сооружениями религиозных культов, актуальных в современной жизни названных народов. Таким образом, они одновременно являются памятниками истории и культуры народа и активно функционирующими религиозно-культовыми сооружениями.

Так, общепринятые монгольскими народами в древности культы хтонических божеств или «хозяев местности» – *эзэнов* (*хатов, сабдаков, луусов* и др.) – сохранились на протяжении веков и благополучно продолжают жить в наши дни. *Эзэн* (*эжэн, эжин, эд-*

зин), монг. – буквально означает «хозяин, владелец», в данном случае – покровитель определенной местности. Сабдаки (от тиб.: *sa bdag* – букв. «владелец земли») – разряд духов, полубожеств синкретичного пантеона тибетского буддизма², находятся на низших ступенях иерархии, соотносятся с монгольским понятием *эзэнов*. *Лусууд* – наги, обитатели вод и подземного мира, считаются покровителями водных пространств, источников, рек, озер и пр.; следят за сохранением чистоты вод и целостностью земного покрова.

Духи и божества, хозяева местности, имеют свои определенные «резиденции» и «места присутствия». А население, проживающее на «подведомственной» *эзэну* территории, совершает обязательные сезонные и многочисленные ситуативные ритуалы, сооружает специальные знаки – памятники, свидетельствующие об особенностях данного места. Данные знаки-маркеры должны напоминать человеку о том, что он не есть единственный житель Земли и господин матушки-природы, напротив, он частица густонаселенного мироздания, где нет ни пяди пустого пространства. Есть бурятская поговорка: «*Эзэгуй газар гэжэ байхагуй*» – «Не бывает земли без *эзэна*». *Эзэн* – это «владелец», «хозяин», в данном контексте – дух, персонификация данной местности. Если человек хорошо ладит с *эзэном*, то и дела его идут хорошо и в хозяйстве, и в семье, и в отношениях с другими людьми. При этом считается, что добродетельным делам и намерениям радуются добрые духи-помощники, усиливаются хранители семьи, а негативные эмоции и злодеяния укрепляют и подкармливают вредоносных духов, разносчиков эпидемических болезней, несчастных случаев и пр. От того, как поведет себя человек, изменяется соотношение сил в астральном мире, что в свою очередь изменяет ход событий в жизни человека. И это как цепная реакция.

Экологические взгляды буддийского вероучения, шаманизма имеют достаточно сильное влияние в регионе Трансбайкалья. Мифологические реалии, столь универсальные для разных мировых культур, могут стать источником для решения современных проблем, особенно там, где древние мифы еще социально значимы.

---

² Название «сабдак» прочно укоренилось в обращении монголов самых разных провинций. Тибетцы различают кроме сабдаков (тиб. *sa bdag* – хозяин земли, местности) также шибдаков (тиб. *gzhi bdag* – хозяин территории) и юл-лха (тиб. *yul lha* – хозяин страны).

В традиционном обществе экологически значимые объекты сохранялись посредством наложения табу, жесткой регламентацией поведения, хозяйственной и прочей деятельности. Культурные сооружения в «святых местах» являются средствами визуального памятования в традиционной экосистеме, напоминающими человеку, что его благополучное бытие обеспечивается сохранением определенного экологического баланса в природе. Однако в современном обществе в условиях глобализации и взаимопроникновения разных культур без создания легитимных условий и конкретного механизма работы законов обеспечение сохранности природных и культурных объектов невозможно. Таким образом, сокровищница народной мудрости, испытанная веками, должна стать достоянием науки, способствующей разумному управлению обществом, а механизм действия народной традиции может послужить прекрасной моделью для сохранения окружающей среды.

Кочевая жизнь и благосостояние пастуха всегда были зависимы от сохранения экологического баланса в природе. А жизнь бродячего охотника просто невозможна, если нарушено какое-либо звено в естественном круговращении вещей в природе. Охотник, как зверь-хищник, сам является одним из этих звеньев. Поэтому вполне естественно, что первыми к суровой необходимости сохранения экобаланса в природе пришли именно охотники или народы, основным видом жизнеобеспечения которых была охота. Идея создания заповедных зон или особо охраняемых природных территорий обязана своим происхождением промысловикам Севера и Сибири, где природа, увы, еще более хрупка, чем в Центральной Азии. Поэтому чукчи испокон веков устраивали заказники моржей в арктических морях, а тувинцы соблюдали запрет на добычу бобров в истоках Енисея. Монголы, создавая заповедные природные зоны, называли их *дархан газар* – особое место. Есть свидетельства, что священный статус горы Богд-уул, находящейся на юге г. Улан-Батора, нынешней столицы Монголии, был закреплен в письменных документах XVIII в.

Природа, экономика и система ценностей

К ощущению мирового духовного кризиса, воспринимавшегося в последние годы ведущими антропологами весьма остро, теперь добавился всеми материально ощутимый глобальный экономический кризис. По мнению Ф. Фукуямы, мировой духовный кризис

связан с переломным моментом перехода человечества от индустриального общества к обществу информационному, и рождение информационного общества переживается не менее болезненно, чем когда-то создание индустриального (Фукуяма 2003). Причины мирового экономического кризиса эксперты объясняют по-разному, главным образом ошибками финансово-экономической политики, перепроизводством доллара США, раздутой кредитно-ипотечной системой, однополярностью мировой экономики, экономическими циклами развития, преднамеренной игрой мегафинансистов и т. д. Как сказали бы теоретики марксизма-ленинизма, налицо признаки мировой революционной ситуации, когда «верхи» не могут, а «низы» не хотят жить по-старому. Сторонники синергетики, вероятно, определяют это как достижение точки бифуркации, когда нарушено равновесие и дальнейшее развитие событий очень сложно определить, но появилась реальная возможность кардинально изменить положение вещей, иерархию приоритетов и ход истории в целом, с тем чтобы наконец приблизиться к реализации давно лелеемого устойчивого развития общества.

Ситуация глобального кризиса уже давно прогнозировалась учеными, и даже были «прописаны рецепты», которые способны не просто заглушать симптомы болезни отдельных органов до следующего кризиса, а излечить организм в целом, пробудив его самовосстанавливающие резервы. Например, более 30 лет назад Х. Хендерсон выступала с радикальной критикой фундаментальных принципов и ценностей современной западной экономики и политики, заявляя, что основные проблемы нашего времени являются разными гранями одного и того же кризиса и что этот кризис в основном – это **кризис восприятия**. Называем ли мы эти кризисы «энергетическими», «экологическими», «урбанистическими» или «популистскими», мы должны признать, говорила она, что «корень их лежит в одном базовом кризисе неадекватного, узкого восприятия реальности». Слова Хендерсон о том, что «сегодняшний развал в экономике заставляет подвергнуть сомнению базовые концепции современной экономической мысли» и «сегодняшние экономисты оперируют неверными параметрами и используют устаревшие концептуальные модели для схематизирования исчезающей реальности», звучат особенно актуально в период нынешнего

глобального кризиса. Для реального решения проблемы автор считает, что необходим «пересмотр экономических концепций и моделей, причем делать это надо на самом глубоком уровне, связанном с **системой ценностей**, лежащей в их основании», так как «корни многих социальных и экономических проблем можно будет увидеть в болезненном приспособлении индивидуумов и институтов к меняющимся ценностям нашего времени».

Еще ранее английский экономист Э. Ф. Шумахер в поисках альтернативного пути развития экономики и общества обращался к ценностным критериям буддийского мира. В своей книге «Малое прекрасно», вышедшей в свет в 1973 г., он критикует экономическую систему, основанную на наращивании и возбуждении потребления, говорит, что «потребление – не цель, а средство, а показателем уровня жизни является максимальное благополучие при минимальном потреблении», и приходит к выводу, что «цивилизация рубит сук, на котором сидит, в частности отравляя воду и хищнически уничтожая леса» (Шумахер 1973). Американский антрополог Ф. Фукуяма определяет решающий фактор устойчивого развития общества как «социальный капитал» или «набор неформальных ценностей или норм, которые разделяются членами группы и которые делают возможным сотрудничество внутри этой группы» (Фукуяма 2003).

Физики Г. Хакен (2003) и И. Пригожин (1991) писали о необходимости нового отношения к миру как к открытой, сложной и взаимосвязанной системе. И. Пригожин также считал, что в восточных философских системах и традиционных обществах существуют альтернативные паттерны развития, способные обогатить и оздоровить мировое сообщество, и выражал надежду, «что наука будущего, сохраняя аналитическую точность ее западного варианта, будет заботиться и о глобальном, целостном взгляде на мир. Тем самым перед ней откроются перспективы выхода за пределы, поставленные классической культурой Запада» (Пригожин 1991).

Российский ученый, экономист, философ и историк Э. С. Кульпин (1999; 2008) вскрывает глубинные тенденции социокультурной истории России сквозь призму доминантных ценностей общества в сравнении с обществами Запада и Востока. Путеводной направляю-

щей экономики, как ни крути, оказываются ценностные, идеологические факторы, сформированные историей социальной общности. Справедливым представляется вывод автора о достаточной утопичности подведения определения шкалы социальной ценности под определение общечеловеческих. Исторически каждая социальная общность формирует свои представления о более или менее ценном.

Святые места и история края

В суровых климатических условиях Центральной Азии потенциальный фонд «социального капитала» создают древние традиции всеобщего почитания святых мест и неписанные поведенческие нормы кочевника. Ценности духовного плана имеют свое материальное выражение в памятниках истории и культуры каждого народа. Не будет преувеличением утверждение, что механизм действия древних народных традиций, продолжающих жить неформально без специальных институтов внешнего управления и властных структур, кроме всего прочего, формирует своеобразие и уникальный колорит культурного ландшафта Трансбайкалья (Байкальского региона РФ).

Что же составляло традиционную систему ценностей мира монгольской кочевой культуры? Многие ученые отмечают особую роль религиозных воззрений в формировании и самой сути социальной организации монгольского раннего и средневекового общества. Это характерно, впрочем, для многих империй Азии, когда правитель определяется харизмой или является божественно избранным существом, наделенным особым предназначением и происхождением свыше. В китайской традиции правителя Срединного государства, императора называли Избранным Небом или Сыном Неба. Китайские историографы, описывая воинственных соседей, замечали, что «гуннские шаньюи также считались порождением Неба и Земли и были поставлены управлять Солнцем и Луною» (Кычанов 1999: 32). Император Японии вплоть до 1946 г. считался фигурой священной и неприкосновенной ввиду его божественного происхождения. В соответствии с синтоистской мифологией покойный император Хирохито являлся 124-м императором в непрерывной линии наследования от великой богини солнца Аматэрасу Омиками. Только после Второй мировой войны император отрекся

от «божественности» и стал лишь символом государства. Утверждение о сверхъестественном, небесном происхождении Чингисхана должно было закрепить право наследования ханского престола его потомками.

Известные письменные источники и предания, касающиеся раннего периода становления всемонгольского хагана, рассказывают о молитве молодого Тэмуджина на горе Бурхан-халдун: ему чудом удалось укрыться от преследований и остаться в живых. Сказание воспроизводит эмоциональное состояние молодого воина и клятву, данную им перед силами природы:

«...Поднялся я на Бурхан Халдун,
Единственную свою жизнь пожалев,
Идя по следу сохатого, что ходит по темной тропе,
Где ивовые ветви были мне домом, взошел я на Халдун,
На Бурхан Халдуне жизнь моя, что не больше, чем вошь,
была спасена!
На Бурхан Халдуне жизнь моя, что не больше, чем ласточка,
была спасена!
Отныне каждое утро буду я приносить жертву Бурхан Халдуну;
Каждый вечер буду призывать его;
Да помнят об этом потомки потомков моих! –

говоря так, повернулся он к солнцу, повесив свой пояс себе на шею, положив свою шапку на руку, ударяя в грудь рукой, преклонив девять раз колени, совершил он поклонение в сторону Бурхан Халдуна» (Лубсан Данзан 1973: 85).

Клятва молодого воина подносить ежедневную жертву святой горе с просьбой о спасении его ничтожной с точки зрения вечности жизни была дана перед силами природы. Само солнце как бы призывалось в свидетели соглашения о взаимном уважении между человеком и природным объектом. Клятва эта, судя по всему, выполнялась не только самим Чингисханом, но и его потомками и подданными. Вероятно, это был один из главных заветов вождя, свод которых позднее стал известен как Великий Закон – Яса Чингисхана.

Традиционная система ценностей кочевого монгольского общества в период до формирования монгольского государства держалась на нормах обычного права. Объединение монгольских пле-

мен под властью Чингисхана привело к унификации норм обычного права разных родоплеменных объединений и созданию общемонгольского письменного устава – Великой Ясы Чингисхана. Летописцы XIII–XV вв. свидетельствуют, что «законы Ясы были записаны на листах и хранились в казне главных царевичей. В особо важных случаях листы эти приносились, и на основании их решались дела» (Бартольд 1896: 42).

К сожалению, Великая Яса не дошла до нас в полном виде, она известна в передаче арабских, персидских, армянских историков и летописцев Макризи, Мирховенда, Ибн-Батута, Рашид-ад-Дина, Вартана, Магакия, Джувейни. Однако и из дошедших до нас статей Великой Ясы можно сделать заключение о поведенческих нормах кочевников того времени. Предательство, ложь, обман, колдовство, донос наказывались смертной казнью: «...кто лжет с намерением, или занимается волхованием, или кто подсматривает за поведением другого, или вступает между двух спорящихся и помогает одному против другого... предается смерти» (Рязановский 1933).

В китайских исторических записках Чэгань Лу, ставшего знаменитым благодаря его «Путешествию на запад», передано содержание послания Чингисхана Чань Чуню. Чань Чунь рассказывает о долговременном и постоянном своем общении с императором, который высоко ценил умных и образованных собеседников. В частности, ученый монах-путешественник приводит слова из послания Чингисхана, где тот говорит о причинах поражения Китая: «Небо отвергло Китай за его чрезмерную гордость и роскошь. Я же обитаю в северных степях, не имею в себе распутных наклонностей, люблю простоту и чистоту нравов; отвергаю роскошь и следую умеренности; у меня одно платье, одна пища; я так же в лохмотьях и то же ем, что коровьи и конские пастухи; я смотрю на народ, как на детей; забочусь о талантливых, как о братьях; мы в начинаниях согласны; взаимная любовь у нас издавна; в обучении тем я впереди других, что в ратных боях не думаю о заде» (Си ю цзи... б. г.: 370).

Широко известна веротерпимость Чингисхана, закрепленная в законе: «Он постановил уважать все вероисповедания, не отдавая предпочтения ни одному». Из статей, которые можно отнести к «природоохранным», или «экологическим», законам своего време-

ни: «...тот, кто мочится в воду или пепел... предается смерти»; «он запретил им опускать руку в воду и велел употреблять что-нибудь из посуды для черпания воды»; «он запретил говорить о каком-нибудь предмете, что он не чист, утверждал, что все вещи чисты, и не делал различия между чистым и нечистым».

Великая Яса закрепила принципы степной этики и демократии, гостеприимства и взаимоуважения: «...он запретил своему народу есть из рук другого, пока предоставляющий сначала не вкусит сам от предлагаемого, хотя бы он был князь (эмир), а получающий пленник; он запретил им есть что бы ни было в присутствии другого, не пригласив его принять участие в еде; он запретил насыщаться одному более товарищей; и шагать через огонь трапезный и черепахи, на котором едят» (Рязановский 1933: 13–16).

Таким образом, согласно закону, осквернение первоэлементов (монг. *махабод*) материального мира – **воды и огня** – должно было караться смертью. Пепел из очага у монголов до сих пор почитается как сакрально чистый. Известно также, что форма монгольской обуви (*гутул*) без каблука и с загнутым вверх носком была не только наиболее удобной для наездника, но и трактовалась как обувь, которая «не ранит **землю**», еще один из природных первоэлементов. Таким образом, щадящее отношение к природе и окружающей среде было законодательно зафиксировано наряду с нормированием взаимоотношений людей в кочевом сообществе. Культурный, сакрализованный статус ключевых природных объектов получил легитимное подтверждение у монголов со времен Чигисхана.

Проблематика «святых мест» кочевнического мира на территории РФ (Байкальский регион) представляет собой на сегодня, во-первых, клубок научных и практических проблем гуманитарно-общественного, естественно-научного, легитимного, охранного, экологического характера. Во-вторых, наряду с необходимостью фундаментального и комплексного научного исследования объектов это также практическая необходимость определения списка культурного и природного наследия кочевой монгольской цивилизации в мировой системе объектов, обладающих универсальной культурной ценностью. В-третьих, выявление структурообразующих элементов этнокультурного ландшафта обозначенного региона, находящегося на стыке «геокультурных зон» не только Запада и Востока, но и азиат-

ского Севера и Юга. В-четвертых, определение роли традиционных кочевнических святынь в сохранении экологического равновесия. В-пятых, легитимная гармонизация вопросов по сохранению природного и культурного наследия на мировом, национальном и региональном уровнях.

Вопрос, по каким причинам географический объект (место) становится святым в понимании насельников края, остается одной из главных проблем исследования. Причин, по большому счету, может быть две: природная и антропогенная. Первая причина: объект обладает особыми природными характеристиками, обусловленными сочетанием в данной точке каких-то био-, геокосмических проявлений, влияющих на человека (например, геоаномальные зоны). Вторая возможная причина кроется в самом обществе, населяющем территорию, и, стало быть, носит исторический характер, связанный с важнейшими событиями в жизни социума. Обе причины настолько существенны, что актуальность и чрезвычайная увлекательность задачи подробного исследования святынь в природном ландшафте становятся очевидными. Вероятна также совокупность разных причин и условий. Ясно одно, что в каждом случае необходим индивидуальный подход и учет всех данных об объекте.

Регион чрезвычайно интересен с точки зрения консервации многих исторических артефактов и явлений. Трансбайкалье до начала XVIII столетия являлось периферией центральноазиатских кочевых государств. В XIX–XX вв. регион превратился в глухую провинцию Российской империи. В последние десятилетия за регионом закрепилась «слава» одного из так называемых дотационных, депрессивных регионов РФ. Не беря во внимание экономическую сторону данного факта, мы можем сказать, что для исторических исследований маргинальность сыграла благоприятную роль, так как способствовала консервации многих архаичных элементов, особенно в религиозно-культурной сфере.

Для развитых религий нормированное поведение прихожан, особый религиозный настрой для общения с высшими силами характерен в специально возведенных для молитв храмах. Для ранних форм религий храмом, где творилась молитва, была природа, и чаще всего это было примечательное место, природный объект с какими-то особенностями. Эти природные объекты до сих пор почитаются как святыни. Благодаря тому, что с данными природными

объектами связана многовековая история человеческого общества, они, будучи персонифицированными, одухотворенными участниками исторических и культурных процессов, претерпев длительное антропологическое воздействие, стали не просто географическими, но и антропогеографическими объектами. Следовательно, они являются не только памятниками природы, но и памятниками истории и культуры населения, обитавшего в данной местности.

В основе кочевнического мировосприятия лежит постулат о бренности всего сущего, поэтому, уходя из мира сего, человек не должен оставлять после себя то, что станет загрязнять окружающую среду. Буддийская концепция *шуньяты*, или *пустотности*, нашла в сознании кочевника весьма благодатную почву. В Монголии еще есть места, где до сих пор сохранился древний обычай оставлять тело умершего после совершения похоронных ритуалов и молебнов в безлюдном, открытом месте. Если по прошествии нескольких дней от тела не осталось и следа, это добрый знак. Останки великих грешников, говорят, остаются гнить, оскверняя окружающую среду, а душа их не может найти приюта. Это значит, что нужны дополнительные усилия родных и близких для того, чтобы поправить посмертный удел покойника.

Сакральные территории (святые места) и типы культовых сооружений, соответствующие этнокультурной традиции, – это не просто ритуальные объекты. Ввиду своей информационной насыщенности они являются визуальными средствами памятования кочевой культуры. Историческую память народа хранит визуальный архетипический ряд, поддерживаемый устной традицией передачи социально значимой информации.

Более того, согласно традиционному мировоззрению народов Центральной Азии, святы места обладают так называемой «управляющей силой» (тиб. *mnga* '). К такому же выводу приходят исследователи-антропологи. Ландшафт не есть некая единица, отдельная от людей, но эти «места силы» (с их различными божествами) и человек (а также группы людей с их жилищами) взаимно проникают друг в друга (Berounský, Slobodnik 2003). Ольхон, Алханай, Барагхан и другие подобные места на протяжении многих веков используются адептами разных религий для уединенной духовной практики. Считается, что такие места обладают особой энергией, способствующей психосоматической регуляции, восстановлению баланса и физическому исцелению организма.

В вопросе о святых местах сложно отделить природный феномен от человеческого фактора и влияния. Антропогенное вмешательство в природную структуру ландшафта в большинстве случаев длилось на протяжении не только сотен лет, но и тысячелетий. Такие объекты должны быть признаны не просто памятниками природы или даже особо охраняемыми природными территориями, как это прописано в последних международных правовых документах – «Дурбанском плане» и «Дурбанском аккорде» (Дурбанский план 2003; Дурбанский аккорд 2003). Противоречие этих документов состоит в том, что объекты, включенные в активную социальную жизнь местного населения, определены как природные объекты, в то время как они давно уже стали частью, составным элементом культурного или антропогенного ландшафта, хотя и сохранили свой природный облик. Но дело в том, что именно сохранение природного облика данных объектов и является целью нормированного, чаще всего в форме табу, поведения человека.

К проблеме легитимации сакральных объектов кочевнической культуры

Катастрофическое уменьшение количества историко-культурных памятников на территории России, Монголии, возрождение культурных традиций, непреходящих ценностей вызывают необходимость координированных комплексных мер по исследованию, сохранению и рациональному использованию культурного наследия в связи с вопросом сохранения видового разнообразия природного и культурного ландшафтов планеты. Проведение Международной конференции по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 1992 г.), Межправительственной конференции по политике в области культуры в интересах развития (Стокгольм, 1998 г.) свидетельствует о том, что в современном мире проблемы сохранения и исследования природы и культуры во всех ее проявлениях приобрели глобальный характер. Решение этих проблем должно осуществляться на всех уровнях. В глобальном масштабе стоит вопрос соотношения природы и культуры, культуры и развития. Сохранение культурного и природного наследия признано важнейшим фактором и условием устойчивого развития.

Достаточно четко наметилась главная тенденция развития международного права в области сохранения культурного и природно-

го наследия – переход от частных, очаговых и видовых методов к комплексному решению проблем в планетарном масштабе, к созданию единой мировой сети особо охраняемых ландшафтов. Научное прозрение В. И. Вернадского о том, что «человек настоящего времени представляет из себя геологическую силу; сила эта все возрастает, и предела ее возрастания не видно», сделанное в начале прошлого столетия, стало очевидным для всех спустя несколько десятилетий. Даже более того, сегодня человек убедился в том, что сила его достигла грани саморазрушения и саморазрушение человека неизбежно влечет разрушение биосферы Земли. Завоевательный поход человека против природы приводит к катастрофическому сокращению видового разнообразия на Земле. На пятом всемирном конгрессе по ООПТ, состоявшемся в Дурбане (ЮАР) в сентябре 2003 г., было отмечено, что «характерные для биологического разнообразия экономические, культурные, эстетические и духовные ценности имеют важное значение для всех людей, а увеличивающиеся масштабы потерь биологического разнообразия серьезно ухудшат качество жизни будущих поколений, если эта проблема не будет восприниматься как требующая безотлагательного решения».

В развитии международного правового поля относительно сохранения природного и культурного наследия следует отметить еще один весьма важный момент – это постепенная международная унификация самого понятия «наследие» как терминологического определения, сближение и обогащение семантической нагрузки этой категории в соответствии с признанием многообразия и равноправия культур и традиций разных народов мира. Несмотря на серьезные достижения в этой области за последние годы, легитимное признание значимости сохранения мультикультурной картины мира и необходимости равного представительства прав и интересов народов с гетерогенными культурными традициями требует серьезных дополнительных доработок.

Одной из важнейших нерешенных проблем является сложность унификации ценностных категорий, имеющих специфические локальные особенности. Прежде всего коренная, так сказать, номинация в обозначенной проблеме – это «наследие». Но представление о наследии, или наиболее ценных для социальной единицы объек-

тах, тесно связано с образом жизни, а именно – с типом ведения хозяйства и мировоззренческими идеологическими надстройками. Еще в недалеком советском прошлом классификационной основой в идеологических построениях для нас служил классовый подход, в котором противопоставлялись имущие эксплуататоры и свободный трудящийся пролетариат. Сегодня социалистическим формам собственности отказано во всех преимуществах перед частной собственностью, и вопросы о сущности наследия вовсе не связываются с классовой принадлежностью или другими социальными различиями. Сущность наследия также не может зависеть от столь лабильного и относительного показателя, как уровень экономического развития. Наибольшее влияние в вопросе о сущности наследия, вероятно, имеет тип хозяйствования, сформировавший общность, и принятое обществом представление о взаимоотношениях человека и природы. Если за точку отсчета взять представления о взаимоотношениях человека и природы, то возникает традиционная мировая дихотомия: Восток – Запад. Для восточного мировоззрения характерно восприятие неразрывного единства человека с природой как ее частицы. Западная философия признала человека венцом божественного творения и властелином природы.

В традициях старой Европы, тяготеющей к оседлой земледельческой культуре с достаточно высокой плотностью населения, понятие о наследии, естественно, было всегда связано с правом владения и пользования землей в четко ограниченных пределах и размерах, со статичными архитектурными сооружениями, а также с элементами, их сопровождавшими. Эти стандарты были успешно культивированы Новым Светом и распространились вместе с усилением политического и экономического влияния США в мире. Для формы решения проблемы сохранения наследия немаловажное значение имели также типы социального устройства общества и формы собственности, принятые данным обществом в недалекой исторической ретроспективе, до того, как его коснулись процессы всеобщей глобализации. Также и сама форма создания и функционирования правового поля наряду с современными законодательными государственными структурами имела свои, так сказать, альтернативы, версии и варианты, соответствующие типам социального устройства. Именно о существовании собственных, оригиналь-

ных систем сохранения наследия свидетельствуют разновременные и многоликие памятники истории и культуры, объекты природного и культурного наследия разных народов в разных уголках нашей планеты, возраст которых часто исчисляется тысячелетиями. Думается, что опыт древних восточных цивилизаций (Индии, Китая, Тибета, Японии и др.) в деле сохранения и использования объектов природного, культурного, духовного наследия заслуживает более пристального внимания и изучения, нежели это было до сих пор.

Международная система сохранения природного и культурного наследия, имеющая европейские корни, зародилась в 1844 г. в Норвегии, когда была учреждена первая в мире национальная общественная организация по сохранению наследия. Спустя 45 лет на американском континенте, на северо-востоке США, был создан Массачусетский национальный траст (Massachusetts National Trust), заявивший о внедрении в практику охраны и использования наследия трастового (доверительного) подхода. В 1895 г. трое британских энтузиастов охраны исторических достопримечательностей – Р. Хантер, О. Хил и Х. Ронсли – создают английский Национальный траст (The National Trust) с двумя региональными комитетами по Шотландии и Ирландии, ставшими со временем самостоятельными национальными трастами. За очень короткое время эта организация, заручившись поддержкой государства, становится самой массовой и в то же время авторитетной общественной организацией на Британских островах. Национальный траст Великобритании на сегодня остается одной из самых плодотворных наследиеохранительных организаций в мире. Затем трастовые организации по сохранению и использованию наследия начинают активно создаваться в материковой Европе, Австралии, Океании, Южной и Юго-Восточной Азии. На международном уровне проблема сохранения ценных объектов мировой истории и культуры стала рассматриваться на мирных конференциях в Гааге (Нидерланды) в 1899 и 1907 гг. по инициативе России, когда впервые была признана необходимость защиты памятников от военных действий. Одним из известных резонансов этих конференций, усиленных разрушительными последствиями Первой мировой войны, стала «Афинская хартия», принятая в 1931 г. Международной конференцией реставраторов (Ю. Л. Мазуров).

Особую роль в деле охраны наследия на глобальном уровне сыграла подвижническая деятельность выдающегося русского деятеля культуры Н. К. Рериха. Небывалые разрушения замечательных архитектурных творений во время Первой мировой войны побудили его стать в 1930-е гг. одним из инициаторов широкого международного движения в защиту ценностей культуры. В своих многочисленных статьях, публичных выступлениях и специальных проектах он обосновал необходимость международной инфраструктуры их защиты. Н. Рерих выдвигает свой проект Международного Мирного Договора, который стал бы гарантией сохранения всех сокровищ искусства и науки под международно признанным флагом. План предусматривал особый флаг, который должен был водружаться на объекты, подлежащие охране. Эти объекты предполагалось почитать как международные нейтральные территории. Флаг представлял собой белое полотнище с красной окружностью и вписанными в нее тремя красными кружками. В 1930 г. Комитет по делам музеев при Лиге Наций одобрил проект «Договора об охране художественных и научных учреждений и исторических памятников», ставший широко известным как Пакт Рериха, и передал его на рассмотрение Международной комиссии интеллектуального сотрудничества. 15 апреля 1935 г. Пакт Рериха был подписан в Белом Доме в присутствии президента Франклина Д. Рузвельта Соединенными Штатами Америки и 20 странами Латинской Америки. Хотя Пакт Рериха не стал всемирным универсальным правовым актом, тем не менее, он сыграл свою историческую роль в последующем формировании идеологии отношения к наследию, реализованной в деятельности ЮНЕСКО.

После окончания Второй мировой войны, 16 ноября 1945 г., в целях «укрепления мира и безопасности путем расширения сотрудничества народов в области образования, науки и культуры в интересах обеспечения всеобщего уважения справедливости, законности и прав человека для всех народов без различия расы, пола, языка или религии» была создана Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры – ЮНЕСКО. Штаб-квартира организации располагается в Париже (Франция). Устав ЮНЕСКО был принят на Лондонской конференции в ноябре 1945 г. и вступил в силу 4 ноября 1946 г. после сдачи на хранение актов

о его принятии 20 подписавшими его государствами. В настоящее время организация располагает 67 бюро и подразделениями, расположенными в различных частях мира, и ее членами являются 188 государств.

Первым наиболее значительным международным документом, положившим начало современному мировому движению за сохранение культурного наследия, была «Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта», принятая в Гааге в 1954 г. С этого времени стала складываться международная система охраны памятников культуры на основе понятия «культурные ценности», введенного в международную практику именно в этом документе. Гаагской конвенцией предусматривалось ведение «Международного реестра культурных ценностей», ставшего образцом будущего Списка Всемирного наследия.

Основа уже глобальной международной политики в сфере наследия была заложена в 1972 г. в Париже принятием знаменитой «Конвенции об охране Всемирного культурного и природного наследия». Практическое внедрение идеологии наследия должна была обеспечивать одновременно принятая «Рекомендация об охране в национальном плане культурного и природного наследия». Генеральная конференция ООН, собравшаяся в Париже с 17 октября по 21 ноября 1972 г. на свою семнадцатую сессию, констатировала, «что культурному и природному наследию все более угрожает разрушение, вызываемое не только традиционными причинами повреждений, но также и *эволюцией социальной и экономической жизни* (курсив мой. – С. С.), которая усугубляет их еще более опасными вредоносными и разрушительными явлениями». Конвенция признала, что «повреждение или исчезновение любых объектов культурного или природного наследия представляет собой пагубное обеднение достояния всех народов мира», в связи с чем необходимо, чтобы международное сообщество предоставляло коллективную помощь в охране природного и культурного наследия, не заменяя, но эффективно дополняя деятельность заинтересованного государства, на территории которого находится ценность.

Названный международный документ дал определение понятиям «культурное наследие» и «природное наследие» с их видовыми подразделениями. Согласно статье 1 Конвенции под «культурным

наследием» понимаются: 1) «памятники: произведения архитектуры, монументальной скульптуры и живописи, элементы или структуры археологического характера, надписи, пещерные жилища и группы элементов, которые имеют выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства или науки»; 2) «ансамбли: группы изолированных или объединенных строений, архитектура, единство или связь с пейзажем которых представляют выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства или науки»; 3) «достопримечательные места: дело рук человека или совместные творения человека и природы, а также зоны, включая археологические достопримечательные места, представляющие выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, эстетики, этнологии или антропологии». Статья 2 гласит: «Под “природным наследием” понимаются: природные памятники, состоящие из физических и биологических образований или групп таких образований, имеющие выдающуюся универсальную ценность с точки зрения эстетики или науки; геологические и географические образования и точно ограниченные зоны, представляющие ареал подвергающихся угрозе видов животных и растений, имеющих выдающуюся универсальную ценность с точки зрения науки или консервации; природные достопримечательные места или строго ограниченные природные зоны, имеющие выдающуюся универсальную ценность с точки зрения науки, консервации или природной красоты». Ниже мы рассмотрим, как принятые международная структура и понятийный аппарат о наследии адаптированы в современном российском законодательстве о природном и культурном наследии.

Приведенный ретроспективный обзор динамики развития охранных мер в международном поле свидетельствует о том, что история зарождения и формирования международной системы сохранения природного и культурного наследия базировалась на системе частной земельной собственности и на нормах традиционного европейского землепользования. Эта система оправдывала себя и была приемлемой в известных исторических и географических условиях. На сегодняшний момент с расширением международной сферы влияния ЮНЕСКО вместе с пониманием необходимости со-

хранения культурного разнообразия в интересах будущего целесообразно было бы учесть существование других традиций землепользования в разных природных и культурных условиях планеты. В частности, на территории Азии и Африки сохраняется кочевой и полукочевой тип хозяйствования с общинными и родовыми традициями землепользования.

По состоянию на август 2005 г. во всем мире ЮНЕСКО признано 788 объектов природного и культурного наследия в статусе Всемирного наследия. Это разнообразные объекты с точки зрения вида, месторасположения, размера и возраста. Объединяет их тот факт, что все они представляют собой *выдающуюся универсальную ценность*. Назрел вопрос обновления существующих критериев ценностей, претендующих на право включения в **Реестр всемирного наследия** и определения единого подхода в понимании статуса универсальной ценности. Специально для работы над проблемой осмысления *концепции выдающейся универсальной ценности* для культурного и природного наследия 6–11 апреля 2005 г. в Казани (Татарстан) проходило специальное заседание экспертов по Конвенции Всемирного наследия. В работе сессии приняли участие представители 37 стран мира, в том числе представители Центра Всемирного наследия ЮНЕСКО, эксперты в области Всемирного наследия из Африки, арабских стран, Азиатско-Тихоокеанского региона, Европы, Северной и Латинской Америки и стран Карибского бассейна. Было признано, что концепция выдающейся универсальной ценности требует более детальной проработки и конструктивных предложений по общеприемлемому осмыслению. В числе критериев определения выдающейся универсальной ценности выделяются такие аспекты, как чрезвычайное значение объекта в связи с влиянием его на развитие мировой архитектуры (на определенный период времени или внутри определенной географической зоны); угроза исчезновения объекта в связи с необратимыми изменениями социально-экономического характера; чрезвычайная древность объекта; связь объекта с людьми, событиями, явлениями (религиями, философиями), всемирно известными и важными для их понимания.

Дальнейшее логическое развитие глобального подхода к культурным и природным ландшафтам отражено в одних из самых по-

следних документов международного уровня – в так называемых «Дурбанском аккорде» и «Дурбанском плане», принятых во время Пятого всемирного конгресса по особо охраняемым территориям в сентябре 2003 г. в Дурбане (Южно-Африканская Республика). В частности, «Дурбанский план» (Дурбанский план 2003), обозначенный как призыв к действиям, отмечает, что «приоритетной задачей охраны природы становится создание единой глобальной системы ООПТ. Системный подход к охране природы повсеместно признан более эффективным, нежели защита отдельных ее компонентов (видов, ландшафтов, местообитаний)».

Уже «Конвенция о биологическом разнообразии» в 1992 г. уделила достаточно большое внимание этнокультурным вопросам, заявив, что, «...в частности, коренные сообщества, группы и в некоторых случаях отдельные лица играют важную роль в создании, охране, сохранении и воссоздании нематериального культурного наследия, обогащая тем самым культурное разнообразие и способствуя творчеству человека».

«Дурбанский аккорд» выделил специально «Культурные и духовные ценности особо охраняемых природных территорий» (Дурбанский аккорд 2003). Была отмечена именно духовная ценность отдельных природных территорий, особая роль коренных этнических сообществ в сохранении экосистем, особая роль в природоохранных мерах священных мест: «Священные места почитаются и охраняются коренным населением, составляют важную часть территорий их проживания, зачастую принося значительные выгоды местному, национальному или даже глобальному сообществу». «Дурбанский аккорд» признал «за коренным населением гарантированное международными правовыми актами право владения и распоряжения своими священными местами, археологическим и культурным наследием, предметами культа и человеческими останками, хранящимися в музеях и собраниях на территории природных резерватов или окружающих их районов» (Дурбанский аккорд 2003).

В новом законе ФЗ № 73 «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры народов РФ)» нашел отражение давно наболевший вопрос «культурных и природных ландшафтов, связанных с историей формирования народов и иных этнических

общностей», и традиционных культовых объектов или мест совершения религиозных обрядов с видовым определением «достопримечательные места». Легитимное признание этнокультурных ландшафтов и традиционных объектов религиозных культов позволяет значительно обогатить культурную карту памятников Российской Федерации. Однако отсутствие опыта взаимодействия органов охраны памятников и традиционных этнических структур, естественно, вызывает достаточно много проблем в деле реализации и функционирования нового законодательства. Прежде всего это проблемы, корень которых таится в имплицитном конфликте гетерогенных культур. Это не только различие мировоззрений, но это также некоторые различия структурирующих социальных механизмов.

Как можно заметить из положений о принятом в международном праве определении выдающейся универсальной ценности, как бы отправной точкой является ценность антропогенного характера. Несмотря на то, что уже несколько десятилетий мир пытается связать природу и культуру нормативно-правовыми документами как на национальном, так и на международном уровнях, законодательные акты о природе и культуре продолжают развиваться как бы в параллельных плоскостях. И что любопытно, на пересечении их дистрибуций оказываются именно этнокультурные ландшафты и места традиционных культовых отправлений, которые в международных документах определяются как «святые места», или «сакральные территории». Благодаря своей тесной связи с природным ландшафтом и экологической сущности и направленности данные объекты как виды памятников гораздо более детально и грамотно проработаны в законах об окружающей среде. Это справедливо как для нормативно-правовых актов ООН, так и для законодательной базы Российской Федерации. Природоохранные системы предлагают более обоснованный и технически более конструктивный подход легитимного разрешения охранных мер для таких специфических объектов, как культовые, священные территории этнических сообществ (Конвенция о биологическом разнообразии, Рио-де-Жанейро, 5 июня 1992 г.; ФЗ № 7 «Об охране окружающей сре-

ды»; ФЗ № 33 от 14.03.1995 «Об особо охраняемых природных территориях»).

Особенно знаменательно для нашего региона Трансбайкалья признание роли кочевников (неоседлого коренного населения, охотников и собирателей, общин, занятых отгонным скотоводством и подсечно-огневым земледелием) в поддержании экологической целостности и биоразнообразия природы, так как «изменчивое в пространстве и во времени использование природных ресурсов находится в гармонии с природой, во многих случаях обеспечивает поддержание экологической целостности, сохранение биоразнообразия как диких, так и одомашненных видов». Более того, «знания коренных народов (традиционные способы природопользования, знания о редких видах, священных местностях, культовых объектах и местах захоронений) – важная составляющая культурного и интеллектуального наследия человечества».

На основании этого необходимо выработать предложения, которые могут коренным образом решить проблему охраны «достопримечательных мест», определенных в ФЗ № 73. Наиболее значимы из них в оперативном значении: признание коллективных и индивидуальных прав кочевого населения, поддержание ценности традиционных систем природопользования; признание территорий традиционного природопользования коренных и кочевых народов охраняемыми территориями с особым типом управления, соответствующими определениям МСОП и КБР и требующими *специальной институциональной основы и регулирования* (курсив мой. – С. С.).

ФЗ № 73 хотя и признает места культовых отправлений как вид культурного наследия (культурных и природных ландшафтов, связанных с историей формирования народов и иных этнических общностей, и традиционных культовых объектов или мест совершения религиозных обрядов с видовым определением «достопримечательные места»), но вся существующая на сегодня структура охраны памятников, ориентированная на сохранение и использование главным образом архитектурных объектов, малоспособна осуществлять новые задачи в силу множества объективных и субъективных причин.

Заключение

Накопление знаний человека о природе к XVII в. привело к научной революции. «Знание – сила», – сказал Френсис Бэкон (1561–1626). По мнению некоторых западных ученых, с этого периода цель науки сместилась от мудрости к власти, а ее функция из основной познавательной перешла в манипулятивную, постепенное устранение мудрости превратило быстрое накопление знаний в наиболее серьезную угрозу (Капра 1989; 2003, Шумахер 1973). Поиски путей устойчивого развития не приводят к осязаемым результатам, так как сохраняется господство устаревшего восприятия. Как совершенно справедливо утверждает Х. Хендерсон, модели современной экономики негласно основываются на том крайне неустойчивом наборе ценностей, которые господствуют в американской культуре и положены в основу ее социальных институтов. Гильдия экономистов, как замечает Хендерсон, обращается с воздухом, водой и другими ресурсами экосистемы как с даровым объектом потребления. Такой же подход практикуется и в тонкой сфере социальных связей, на которую пагубно влияет продолжающаяся экономическая экспансия. Частные доходы все в большей степени получают за общественный счет ценой ухудшения окружающей среды и общего качества жизни. Необходим экологический подход к экономике, который будет заключаться в понимании того, каким образом экономическая активность вписывается в циклические процессы природы и в систему ценностей конкретной культуры.

Народные традиции и религиозные доктрины предусматривали жесткие нормы – сакрализованные табу, тантрические и прочие обеты, которые выполняли функцию техники безопасности для практикующего священнослужителя, жреца, мага, всего населения в целом. В обществе, закрытом от внешнего влияния, легче сохранять традиции и устои, единое информационное поле обеспечивает аутентичность каждого члена сообщества и соответственно во многом определяет и нормирует поведенческие рефлексивные индивидуума. Глобализационные процессы современного мира не только ускорили взаимовлияние, смешение гетерогенных культур, но и обострили все старые проблемы в глобальном масштабе,

а раритеты и многие хрупкие ценности поставили под угрозу исчезновения в потоке унификации и экономической конкуренции. Будущее зависит от физической, вербальной и духовной «гигиены» в настоящем. От каждого из нас индивидуально и всех, вместе взятых.

В настоящее время достаточно четко наметилась главная тенденция развития международного права в области сохранения культурного и природного наследия – переход от частных, очаговых и видовых методов к комплексному решению проблем в планетарном масштабе, к созданию единой мировой сети особо охраняемых ландшафтов. Однако остаются нерешенными многие вопросы сохранения культурного наследия народов РФ. Что касается правового поля защиты антропогеографических культовых объектов кочевых народов, то в данном вопросе существует внутреннее противоречие международного законодательства о сохранении культурного и природного видов наследия. Сакральные территории, или святые места, признаны объектами природного наследия, но они также являются частью культурного ландшафта и свидетельствами истории кочевых обществ и цивилизаций.

Литература

Бартольд, В. В. 1896. *Образование империи Чингисхана («Записки Восточного Отдела»)*. Т. X. Б. м.

Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии. Б. м., 2001.

Дурбанский аккорд. 2003. Сентябрь. Дурбан.

Дурбанский план. 2003. Сентябрь. Дурбан.

Капра, Ф.

1989. *Уроки мудрости. Разговоры с замечательными людьми* / Пер. с англ. Торонто; Нью-Йорк: Бэнтам Букс.

2003. *Паутина жизни. Новое научное понимание живых систем* / пер. с англ. под ред. В. Г. Трилиса. М.: ИД «София».

Кульпин, Э. С.

1999. Проблемы России, Сибири и Дальнего Востока в пространстве-времени. *Восток (Человек и природа на Дальнем Востоке)*. Серия «Со-

циостественная история. Генезис кризисов природы и общества в России». Вып. XII. М.

2008. Становление системы основных ценностей российской цивилизации. *История и современность* 1: 3–31.

Кычанов, Е. И. 1991. *Император Великого Ся*. Новосибирск: Наука.

Лубсан Данзан. 1973. *Алтан тобчи («Золотое сказание»)*. М.: Наука.

Пригожин, И. Р. 1991. Философия нестабильности. *Вопросы философии* 6: 46–57.

Рязановский, В. А.

1931. *Монгольское право (преимущественно обычное)*. Харбин: Тип. Н. Е. Чинарева.

1933. *Великая Яса Чингис-хана*. Харбин.

Си ю цзи: *Описание путешествия на запад даосского монаха Чан Чуня*. [Б. г.] Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://daolao.ru/Texts/chanchun>

Сухбаатар, Х. О. 2001. *Монголын тахилгат уул усны судар оривой*. Улаанбаатар.

Туровский, Р. Ф. 2004. Структурный, ландшафтный и динамический подходы в культурной географии. *Гуманитарная география*. Вып. 1 (с. 120–137). М.: Ин-т Наследия.

Фукуяма, Ф. 2003. *Великий разрыв*. М.: АСТ.

Хакен, Г. 2003. *Тайны природы. Синергетика: учение о взаимодействии* / пер. с нем. А. Р. Логунова. М. – Ижевск: ИКИ.

Шумахер, Э. Ф. 1973. *Малое прекрасно: экономика для людей* / пер. с англ. И. и Л. Шарашкиных. Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.samorodok.org>

Berounský, D., Slobodnik, M. 2003. The Noble Mountaineer: An Account of *la bitsas* Restival in Gengya Villages of Amdo. *Archiv Orientalni*. V. 71: 263–268. Praha: ASCzR.